

Рецензии

УДК-32

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Д. РОДЖЕРСА «ГЛУБИНЫ РОССИИ»

Б.И. Поварницын¹

Статья является расширенной рецензией на указанную в заглавии книгу. В рецензии сжато передано основное содержание книги. Главное внимание рецензент уделяет раскрытию методологических подходов автора рецензируемой книги, а также выводам, к которым приходит ее автор. По мнению рецензента, главным достоинством книги является то, что на конкретном примере взаимоотношений одной из крупных российских региональных компаний, Лукойл-Пермь, с властями Пермского региона она позволяет уточнить процессы постсоветских изменений как в экономике, так и в политике России, которые не всегда вписываются в наиболее распространенные схемы.

Ключевые слова: нефтяная промышленность; Пермский регион; Лукойл; социальная ответственность бизнеса; партнерство бизнеса и власти.

Всегда приятно и интересно брать в руки работу иностранного исследователя, посвященную твоему родному городу или краю. В не очень длинном ряду подобных работ о Перми недавно появилось пополнение: книга исследователя из Йельского университета (США) Дугласа Роджерса «Глубины России. Нефть, власть и культура после социализма» [1]. Д. Роджерс является автором ряда работ по истории нашей страны и о постсоветском периоде, неоднократно бывал в Перми. Как видно из названия, предметом его исследования является не нефтяная отрасль как таковая, его интересуют взаимоотношения крупного (в региональном масштабе) бизнеса и региональных властей в 1990–2010 гг.

Автор отталкивается от нескольких базовых положений. Во-первых, вопреки общепринятому мнению, нефтедобывающими являются не страны, а их отдельные регионы или даже субрегиональные единицы. Прикамье заинтересовало его именно как такой специфический, производящий и перерабатывающий, регион. Характер экономики этих регионов накладывает, по мнению Д. Роджерса, отпечаток на структуру населения, массовое сознание, отношения власти и бизнеса, культуру в самом широком смысле слова. Во-

¹ Поварницын Борис Игоревич - доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета. E-mail: nylg78@mail.ru.

вторых, ни корпорация, ни региональная «власть» не являются монолитами, хотя и сохраняют некую целостность. Они – «противоречивые ансамбли институтов, проектов и практик» [1, 11]. Наконец, не является монолитом и российское государство: в любом случае регионы сохраняют определенную мобильность и самостоятельность, осуществляют обратное влияние «наверх».

В первой части книги дается краткий обзор истории советской нефтепромышленности, в основном с упором на Прикамье (после 1929 г.). При этом автор формулирует две модели организации этой промышленности: «капиталистическая» (термины Д. Роджерса) с быстрым, еще в XIX в., внедрением вертикального трестирования; и «социалистическая» с отраслевым разделением на добычу, переработку, транспортировку и распределение. В результате собственно добычки оказываются отделенными от получения значительной части прибыли и на первый план (в частности в Прикамье, особенно после пуска ПНОС) выходит переработка. При этом долгое время нефтяная отрасль в Прикамье (особенно добыча) остается маргинальной, непрестижной (хотя ПНОС расширяется, фактически создает свой собственный район города с развитой социальной инфраструктурой) и пребывает «в тени» машиностроения и оборонной промышленности. Это сказывается и на низком регионально-политическом влиянии руководителей отрасли.

Вхождение ПНОС в состав ЛУКойл описано крайне бегло, как чуть ли не случайная встреча единомышленников В. Сухарева (Пермь) и В. Алекперова (Москва), которая и привела к началу вертикальной интеграции сперва добычи и переработки нефти, а затем транспортировки и распределения нефтепродуктов. Дальше, также бегло, упоминаются связи нарождающегося бизнеса с краевыми властями, хотя сам факт этих связей приводится нередко. В другой части книги автор лишь упоминает «временные и личные договоренности, характерные для 1990-х гг.» (между компанией и областными властями, [1, 182]) и о «о принятии решений и заключении соглашений в задних комнатах [клуба «Строганов» - Б. П.] между пермской областной промышленной, финансовой и политической элитами» [1, 237]. Из текста книги можно сделать почти однозначный вывод, что официального и институционального механизма сотрудничества бизнеса и власти в 1990 гг. в Перми не существовало.

Применительно к 1990 гг., особенно их первой половине (когда приватизация либо еще не была официально объявлена, либо когда она уже шла, но еще недостаточно институционализировалась), автор отмечает, что нефть и, особенно, продукция нефтепереработки в Перми приобрели роль своего рода параллельной валюты – всеобщего эквивалента для бартерных обменов. Принципиальный вывод автора следующий: это не уникальная особенность России начала 1990-х гг. «Бартерные отношения долгое время были важны в мировой нефтяной индустрии, и часто они существовали параллельно и в ин-

тенсивной политической взаимосвязи с нефтяным оборотом, опосредованным деньгами». Приводимый пермский пример достаточно быстрой замены бартера денежным обращением не означает того, «что такое всегда должно случаться, что таково естественное развитие или что это не может быть повернуто вспять в будущем. На самом деле было бы вполне обоснованным утверждать противоположное: устойчивые и сложные безденежные нефтяные сделки в Пермской области 1990-х гг. являются хорошим свидетельством того, что нефть и деньги не всегда бывают естественными партнерами» [1, 73]. В книге прослежены некоторые многозвенные цепочки бартера Пермской финансово-производственной группы при решающем участии пермского Лукойла, начинавшиеся с нефтепродуктов и в итоге приносившие в регион продовольствие или товары массового спроса, что укрепляло позиции областной администрации и некое чувство региональной общности и личности в массовом сознании. Автор утверждает, что нефтебартер (по крайней мере, в тех условиях) был гораздо надежнее продажи нефти при непредсказуемых ценах на нее и хаотической российской денежной системе. В итоге происходил процесс, противоположный последствиям нефтяного бума в странах типа Нигерии: там при посредничестве государства зарабатывались нефтедоллары, часть которых оседала в бюджете и помогала поддерживать престиж правительства; здесь нефтебартер приносил неденежную, но материальную пользу в регион, укрепляя региональную власть. «Бартерные сделки с нефтью были центральным пунктом в уничтожении представления (*unimagining*) о федеральном государстве в 1990-е...» [1, 101].

Применительно к середине и второй половине 1990-х гг. автор отмечает еще две существенные новации в работе пермского Лукойла и в расширении его влияния на жизнь региона. Первая заключалась в попытке подчинить себе добывающую компанию Пермнефть, которая в начале 1990-х гг. находилась в гораздо более тяжелом положении, чем перерабатывающий ПНОС. Эта инициатива натолкнулась на сопротивление конкурентов, но в итоге был достигнут компромисс. В результате возникли две новые компании с практически одинаковыми названиями: ОАО Лукойл-Пермь, полностью принадлежащее «большому» (общероссийскому) Лукойлу и оперировавшее в южных районах области, и ЗАО Лукойл-Пермь, принадлежавшее «большому» Лукойлу и ПФПГ в равных долях и действовавшее в более северных районах (в начале 2000-х гг. они вновь объединились). По мнению автора, это разделение хорошо иллюстрирует две различные стратегии встраивания компаний в новые экономические и политические условия. ОАО стало активно избавляться от объектов социальной сферы и вспомогательных служб, а также провело организационную перестройку, которая, вероятно, способствовала большей гибкости и эффективности производства, но сразу же привела к сокращению примерно 5 тыс. работников только в НГДУ Чернушканефть. Эта перестройка привела и к резкому ослаблению связей руководителей ОАО с

районными администрациями; подразделения ОАО не привязывались теперь к тому или иному району, а замыкались на головной офис компании, переместившийся в Пермь и контролировавшийся из Москвы. Изменения открыли перед компанией некоторые экспортные перспективы и возможности модернизации оборудования при поддержке «большого» Лукойла, однако, автор не отмечает какого-то фантастического производственного бума. В противоположность, ЗАО, опираясь на накопленный опыт ПФПГ и ПНОС, как и на устойчивые связи с областной администрацией, вело достаточно агрессивную политику, расширяя (хотя и не без трудностей) добычу нефти (в дальнейшем и за пределами Пермской области), а также подчиняя существовавшие к тому времени в области мелкие добывающие компании. В результате автор отмечает, что в рамках общероссийской вертикально-интегрированной компании возникла региональная вертикальная интеграция: добывающее ЗАО ЛУКойл-Пермь – перерабатывающий ПНОС – распределяющая сеть ЛУКойл-Пермнефтепродукт.

Другим важным аспектом участия ПФПГ (и, следовательно, ПНОС) в жизни области стал выпуск в середине 1990-х гг. топливных векселей. В условиях государственных попыток ограничения инфляции, вызывавших хронический недостаток «живых» денег и многочисленные взаимные задолженности, векселя стали альтернативным средством взаиморасчетов – но только в пределах региона и только для ряда крупнейших предприятий и органов администрации. В течение нескольких лет вексельная система позволила резко сократить взаимные долги как предприятий, так и государственных и муниципальных органов, упростить расчеты между ними. Таким образом, нефть и нефтепродукты, как и в случае с нефтебартером, стали более надежными заменителями теряющих доверие государственных денег и вновь укрепляли в сознании некое чувство региональной общности и особенности.

Следующая часть книги, «Годы бума», посвящена отношениям пермского Лукойла с областными и муниципальными органами власти в 2000-е гг. Автор отмечает, что наступление нового десятилетия и приход к власти новой «команды» во главе с В. Путиным ассоциируются, как правило, с «укреплением вертикали власти» и отстранением крупного бизнеса от политического влияния. Однако, по мнению Д. Роджерса, это справедливо только для федерального уровня, да и то лишь отчасти. В ряде регионов, в том числе и в Пермской области, наоборот, происходило усиление взаимосвязи бизнеса и власти, хотя и в новых формах. Применительно к Прикамью автор называет этот период периодом «движения проектов». Суть его заключалась в том, что областная администрация начала поощрять «проектную деятельность» – выдвижение организациями и учреждениями неких программ социального или экономического развития, которые, после рассмотрения на конкурсной основе, могли получить гранты от администрации. Вслед за областной администрацией аналогичную практику начал и пермский Лукойл. Автор подчерки-

вает, что проектно-грантовая деятельность пермского Лукойла отличалась от обычной зарубежной практики в этом направлении. Крупные мировые компании также выделяли гранты на социально-экономическое развитие тех территорий, где они действовали, но практически всегда ограничивались какой-то одной сферой жизни (например, здравоохранением или, еще более «точечно», борьбой со СПИД). Активность же Лукойла была гораздо более диверсифицированной. При этом и администрация области и компания, выдвигая условия конкурсов, настаивали на софинансировании проектов: администрация – со стороны бизнеса, компания – предпочтительно, со стороны администрации. Таким образом, развитие социально-экономической сферы региона становилось общим делом бизнеса и государственной власти.

После того, как система проектов и грантов была, в основном, налажена в начале десятилетия на областном уровне, компания начала переносить свою активность на муниципальный уровень, в те города и районы области, где она осуществляла свою производственную деятельность. Д. Роджерс отмечает, что в ряде случаев это встречало сопротивление муниципальных властей, не желавших терять монопольный контроль над «своей вотчиной». С другой стороны, в книге достаточно откровенно (хотя и без приведения конкретных фактов) указано, что ЛУКОЙЛ мог использовать (и, очевидно, использовал) выделение грантов для привлечения на свою сторону людей, влияющих на формирование общественного мнения в муниципальном образовании (учителя, врачи, некоторые хозяйственные работники) и через них косвенно влиять на политическую жизнь муниципалитета, в частности, на местные выборы.

Своего рода апофеозом сотрудничества компании и областной администрации в развитии муниципальных образований автор считает соглашение губернатора Ю.П. Трутнева и Лукойла о снижении регионального налога с компании при условии, что половина дополнительно полученной в результате прибыли будет вложена в развитие районов (при условии совместного обсуждения объектов вложения как с муниципальной, так и с региональной властью). Автор отмечает, что компания, выполняя это соглашение, предпочитала вкладывать средства в социально-ориентированное капитальное строительство (школы, клубы, спортивные сооружения и т. п.), чтобы зримо зафиксировать свой вклад в жизнь местного сообщества; областная же администрация финансировала поддержание или модернизацию дорог, коммунальных сетей и т. д. В развитие этого соглашения Лукойл стал заключать прямые договоры с муниципальными властями на финансирование определенных объектов в обмен на некоторые обязательства властей: например, не препятствовать хозяйственному землепользованию компании (правда, и здесь автор не приводит конкретных фактов, ссылаясь на «конфиденциальную информацию»). В результате всей этой активности компания заслужила в устах автора несколько весьма лестных титулов: «генеральный партнер»

областной администрации, «метакоординатор» социально-экономической активности в области и даже «бюджетообразующее» предприятие в масштабах области.

Последняя и самая большая по объему часть книги, «Культурный фронт», лишь отчасти связана с основным предметом исследования. В этой части автор из исследователя-аналитика постепенно превращается в публициста-описателя. В начале данной части книги даются примеры предоставления Лукойлом грантов, связанных с развитием культуры, в первую очередь, в тех муниципальных образованиях, в которых компания вела хозяйственную деятельность. При этом Д. Роджерс отмечает разницу в акцентах, использовавшихся «южными» и «северными» подразделениями. Если «северные» (бывшее ЗАО) делали упор на восстановление исторической памяти и использование исторических аналогий (в частности, широкое апеллирование к имени Строгановых), то «южные» (бывшее ООО) акцент ставили на многоэтнический состав населения районов своей активности. В качестве сравнения приводится аналогичная деятельность другой крупной пермской сырьевой компании, «Пермрегионгаз». По примеру Лукойла эта компания в 2000-е гг. также начала проводить конкурсы проектов и выделять гранты в районах своей хозяйственной активности, однако эта инициатива к концу десятилетия практически сошла на нет, что Д. Роджерс связывает с персональными изменениями в руководстве компании.

Однако на протяжении большей части этого раздела книги Лукойл, казалось бы, отсутствует. Здесь повествуется о независимых инициативах: обществе «Камва», художественном творчестве и культурных проектах А. Иванова, а также о масштабном проекте превращения Перми в культурную столицу России или даже Европы. Подробно описывая дискуссии по поводу этого проекта, развернувшиеся в Перми, Д. Роджерс явно солидаризируется с его критиками. Он достаточно открыто объясняет свою позицию: шумные и дорогостоящие мероприятия «Пермского культурного проекта», сконцентрированные в самой Перми, основывались на средствах регионального бюджета, не оставляя после себя ощутимого следа; в то же время Лукойл продолжал «без шума» вкладывать часть своей прибыли в улучшение культурной среды по всему краю, оставляя вполне осязаемые результаты. Продолжением этой позиции автора являются и заключительные фразы книги: губернаторы со своими проектами приходят и уходят, а Лукойл со своей «социальной ответственностью бизнеса» остается.

Следует отметить, что книга Д. Роджерса хорошо обоснована местным пермским материалом. Из, без малого, 500 позиций списка литературы 106 являются российскими изданиями (не считая публикаций российских авторов, изданных за рубежом), в том числе 85 изданий пермские (опять-таки, не считая многочисленных постраничных ссылок на местные СМИ и на интервью с местными носителями информации).

В целом книга производит впечатление хвалебного гимна социально-ответственному крупному бизнесу в лице пермского Лукойла, а также персонально В. Сухареву, А. Кузьеву, Ю. Трутневу и Т. Марголиной. Тем не менее, работа Д. Роджерса, безусловно, интересна как научное исследование. Она помещает конкретный пример одной из крупных пермских компаний в контекст как временной (сравнение советской и постсоветской ситуаций), так и пространственный (сопоставление пермского случая с поведением в аналогичных ситуациях как российского, так и зарубежного крупного бизнеса). Поэтому книга может быть интересна не только читателям, знакомым с пермской реальностью, но и тем, кто изучает детали становления постсоветской России, не втиснутые в жесткие рамки схем «перехода» или «модернизации».

Библиографический список

1. Rogers Douglas *The depths of Russia. Oil, power, and culture after socialism*. Ithaca: Cornell University Press, 2015. 370p.

REVIEW OF THE MONOGRAPH: “THE DEPTHS OF RUSSIA. OIL, POWER, AND CULTURE AFTER SOCIALISM” BY ROGERS DOUGLAS

B.I. Povarnitsyn

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University

The article presents a review of the monograph named in the title. The main content of the book under review is shortly presented. Methodological approaches of the monograph's author as well as his conclusions are the subject of the reviewer's foremost attention. According to the reviewer, the book makes it possible to clarify the processes of post-Soviet changes both in economy and in politics by the example of the relations between a big regional company – Lukoil-Perm – and Perm regional authorities. It is noted that the processes described do not always fit the most common schemes.

Keywords: oil industry; Perm region; Lukoil company; social responsibility of business; business-power partnership.